

ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Пережив порыв стартового энтузиазма и острый приступ гениальности, начинающий литератор рано или поздно испытывает обнуляющее чувство: все давно написано, и ему нечего положить в переполненную копилку. Постепенно эхо этой катастрофы удаляется, вдохновение возвращается вместе с желанием удивить мир, и рукописи множатся, нетерпеливо просясь в печать.

Но в литературе есть подвид, который для кого-то становится, как выражался Бродский, «видовой целью». Это художественный перевод, на базе русского языка часто не уступающий оригиналу, а иногда и превосходящий его. И мысль, что все на свете давно переведено, не обжигает столь сильно, как описанная выше. Да, переведено, но я переведу лучше!

Не знаю, мучили подобные вулканические страсти Михаила Серебринского, или он обошелся малой толикой рефлексии, но переводческий замах молодого автора впечатляет. Не абы за кого взялся он в надежде превзойти предшественников, и не остановили его этих предшественников имена и титулы.

Лидера европейского авангарда Гийома Аполлинера переводили Б. Лифшиц, М. Зенкевич и П. Антокольский. Поль Валери 12 раз номинировался на Нобелевскую премию. Дадаист, сюрреалист и коммунист Луи Арагон дружил с Маяковским и сидел в президиумах главных советских литературных мероприятий. Это француз. Ирландец У.-Б. Йейтс удостоился Нобелевской премии по литературе в 1923 году. А бывший американский фермер Р. Фрост четырежды награждался Пулитцеровской премией.

Но дело даже не в регалиях переводимых, а в том, что возвращаются времена, когда переводчик работает не с подстрочником, а с первоисточником, что имеет значение коренное. Но главное, конечно, это становятся ли переводные тексты фактом русской поэзии или нет. Говорить об этом в данном случае, может, и рановато — надо сначала избавиться от свистящего бича современной поэзии: небрежной, прилизательной рифмовки. Но поприветствовать и поздравить с бодрым началом Михаила Серебринского уже можно. Что я с удовольствием и делаю!

Марина КУДИМОВА

1. ИЗ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Поль Валери

КЕСАРЬ

Подмявший под себя полмира, он спокоен:
Лежат на кулаках две жесткие скулы,
Глаза его — закат, в глазах его — орлы,
И пухнет сердце от величия Закона.

Пусть за окном моря ему поклоны стелют,
Пусть недвижима рожь — вот-вот во все дела
Вмешается указ, что копится в узлах
Сосредоточенного, собранного тела.

Всего один указ расколет сжатый рот,
И снова окропят когорты горизонт
(Он — губы кесаря, надменная полоска),

В то время, как вдали рыбак без лишних чувств
Свистит, не думает, покачиваясь в лодке,
Что за проклятие летит с монарших уст...

Гийом Аполлинер

ИЗ «СТИХОТВОРЕНИЙ К ЛУ», XII

Если б я умирал где-то там, за чертой фронтовой,
Ты б заплакала, Лу, дорогая, разок надо мною,
Ты б забыла меня, и мой образ ушел в темноту —
Так снаряд умирает в тоске за небесной чертою,
Разрываясь над фронтом прекрасной мимозой в цвету.

Разорваться бы памятью там, на небесных морщинах,
Теплой кровью по миру пройтись, по святой простоте:
По горам, по лесам, по звезде миллиардом дождинок,
По морям и по солнцам, уснувшим в небесных морщинах,
Как по желтым лимонам, растущим вокруг Баратье.

Я тогда бы остался во всем, всюду был бы с тобою.
Ты б не знала, а я — ежедневно напивал кровью
Алый рот и концы розоватых грудей — докрасна.
Твои волосы стали б с годами рыжее от крови,
Разве старость бессмертному телу бывает страшна?

Кровь моя запустила бы сотни вселенских артерий:
Ты всегда молодеда бы, солнца — всходили втроем,
И цветы над постелью от запаха тихо дурели,
И волна приливала быстрее, быстрее, быстрее,
И любовник победно геройствовал в теле твоём.

Я любовью бы стал. Знаешь, Лу, если все же умру там,
Вспоминай иногда по безумным, счастливым минутам:
Ты во сны не звала меня — пусть — и я все-таки был.
Вспоминай иногда этот взрыв, этот чувственный пыл.
Я — безумный фонтан, бьющий кровью по синей планете,
Будь же самой красивой и самой счастливой на свете,

Будь моей до последней атаки и капли чернил.

ИЗ «СТИХОТВОРЕНИЙ К ЛУ», XXXIV. III

Помнишь, Лу, город Ним? Ты прислала туда апельсины,
Те, что пахли, как наши тела. Их прекрасную плоть
Я не ел, я не мог: мне казалось, что с неба Господь
Посылает святых, и они нам несут апельсины.

Лу, я ждал, чтобы ты поделила со мною корзину
Наших фруктов. Как раньше, я ждал тебя в Ниме, увы,
Бесполезно, и сгнили трофеи солдатской любви.
Я дрожал. До апреля шел снег, как идут апельсины.

В шесть утра я ушел на войну, оставляя за нами
Город Ним и один апельсин, тот, что чудом не сгнил.
Он сжимался, как память, сжимался, как маленький Ним,
Так сжимается сердце и бьется в нагрудном кармане.

Этот сладкий комочек любви я сосал по траншеям,
По окопам. О бедная память, не так ли я грыз
Твою жесткую кожу? — жалкий, изящный каприз.
Пролетали снаряды, метал огонь батареи.

Если вспомнишь об этом — посмейся. Куда же мне деться?
От тебя, от проигранной мною любви уцелел,
Лу, один апельсин. Вспоминаешь? И я его съел
И теперь по окопам грызу одинокое сердце.

ГИРЛЯНДА ЛУ

1.

Пью кофе, курю. В Тарасконе спокойно.
Смотрю за движеньем колонн:
Проходят гумье и гирляндою конной
Опутывают Тараскон.

Такою гирляндой состав паровозный
Опутал тебя. В этот день
Я ехал на фронт и все думал о розах
Твоих розоватых грудей.

2.

Когда паровоз, как снаряд из обоймы,
Сорвался на бег, я не мог
Смотреть за окном: я еще был с тобою
В саду твоих мраморных ног,

Где вены соцветьями гелиотропов
Сходились в единый бутон.
О гелиотропы — дыханье окопов,
О распятой Бельгии стон!

3.

Лу! Память все связывает с тобою.
С глазами, что пахнут сырой резедой —
Ей пахли тела семерых округов,
Проливших святую, невинную кровь.

4.

А руки! А руки! Скорей подними их:
Там лилии первых Бурбонов под ними —
Цени эти лилии: с ними чиста
Военная скверна и нечистота.

Две лилии, что новобрачных венчают,
Солдат провожают на фронт, отпевают.
Две чаши — соборные колокола,
Чье имя — Любовь и Господня хвала.

5.

Вернусь — упаду после трудной дороги
К тебе в золотые мимозные ноги.
Солдат должен знать, что любые пути
Кончатся светом, теплом во плоти.

— Открой. Это я. Я живой. Я пришел.
— Ты бледный как смерть. Я накрою на стол.
— Мне холодно. Видно, в дороге продрог.
Я думал согреться теплом милых ног,
Обнять после холода и пустоты
Ступни твои, как золотые цветы.

— Любимый, что толку от милых ступней?
Потрогай: они мертвеца холодней.

6.

От стонов предсмертных как можно скорее
Уйду в твои волосы — грозди сирени.
Лу, смерть на миру безусловно красна,
Но, кроме нее, есть любовь и весна.

7.

Твой голос цветет туберозой. Солдаты
Им делятся, словно пайком.
И все ж не цветами виски твои сжаты —
Надежды терновым венком.

Ведь только тебе эти метаморфозы
Доступны: с тобою чиста
Война. И стекают кровавые слезы
В Чудесную Розу Христа.

Скажи, чтобы время помчалось быстрее,
Скажи — Он послушает, Лу —
И сразу утихнет огонь батареи...

Пиши. Не прощаюсь. Люблю!

КЛОТИЛЬДА

Анемоны, водосборы,
Как печаль, цветут в саду.
Посреди стеблей их черных
Я тебя зачем-то жду.

Ночью в сад приходят тени,
Чтоб погнаться между рук.
Между встречей и презреньем
Нас опять застанут, друг.

Наши тени разбегутся.
Встанет солнце — не ищи.
И наяды посмеются,
Как не мечутся — метутся
Две прекрасные души.

ЦЫГАНКА

Что жить нам, как бродить в лесу,
Давно цыганка предсказала,
Но уводила прочь с базара
Мечта на голубом глазу.

И вот медвежий танец свой
Любовь танцует по тропинкам,

Седает птица Метерлинка,
Уходят нищие в запой.

Однажды донесет молва:
«Вы — дураки, ваш час назначен» —
И мы опять переиначим
С тобою вещие слова.

Луи Арагон

РУКИ ЭЛЬЗЫ

Для беспокойства, о, дай твои руки! —
Из талой воды, одинокой мечты.
Чтоб я ими спасся — в ладошку беру их
(О, дай твои руки!) — чтоб из пустоты

Меня вырывали. Неловкий охотник,
Ловлю их в силки, как нетронутый снег,
Движений невольник и робкий любовник.
Как тают они, разбегаясь по мне!

Узнаешь ли ты, что такое мне руки
Твои, как пронзают они в тишине
Насквозь, наголо? Не придуманы звуки
Для вдоха, для дрожи любви по спине.

Язык их немой — это первый любовный
Животный, могущественный праязык,
Безглазый (о, дай твои руки!), безротый,
В молчанье почти что сходящий на крик.

Узнаешь ли ты то, что думают пальцы
Мои, когда ловят тебя на бегу?
Молчанье их — молния, то, что назваться
Не может, и то, что я знать не могу.

О, дай твои руки. Пускай мое сердце
Зароется в них и, красно на миру,
Уснет, и душа приютится за дверцей
Ладошек. О, дай на секунду мне ру...

* * *

Где-то в аду или, может, в раю
Жду твоих глаз: где-то здесь, на краю
Были и сна. Я давно не смотрю
Чисел — любовь, как известно,
Вечно похожа. И я говорю:
Мы засыпаем вместе.

Птицы у Бога не сеют, не жнут.
Руки твои — это верный приют
Сердца. С твоим они рядом поют —
Слышишь — их общую песню?
Короток век на земле, но мы тут,
Мы засыпаем вместе.

Все перед сном повторится — любовь,
Руки, сплетенье объятий, покров
Ночи, как полог, — от чувств и от слов
Я весь дрожу. Моя верность
Ждет тебя в каждом возможном из снов.
Мы засыпаем вместе.

2. ИЗ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Уильям Йейтс

ЛЕДА И ЛЕБЕДЬ

Удар! И перепончатые лапы
Уже на бедрах, и ласкает плоть
Противный клюв. Девчонка! Что могла ты?
Тебе ли прихоть бога побороть?

Испуганными пальцами тебе ли
Отталкивать его от нежных ног?
И бьется грудь о грудь во взвеси белой,
Как бьется сердце. И клокочет бог.

Жаль, не сказал он, что приносит Слава,
Что десять лет войны и смерть Ахилла
Берут начало здесь, среди осок;

Что так он наградит тебя за слабость,
Когда обмякнет, потеряет силы
И безразлично спрыгнет на песок.

Роберт Фрост

ПЕСНЯ ВО ВРЕМЯ БУРИ

Рваные тучи низко висят.
Тысячей брызг слюды
Дождь по дороге бьет наугад,
Мажет лошажки следы.

Рядом цветы в ожиданье шмелей
Попусту тонут в воде.
Спустись по холму и будь моей
Любовью в этом дожде.

Птицы не могут связать двух слов —
Древесная гложет тоска.
Эльфы не подают голосов
Из лесов, где жили века.
Их песни рассыпались, как под дождем
Слабый бутон, — так что ж,
И мы с тобою по лесу пройдем,
Где спусками с веток — дождь.

Ветер подхватит и переврет
Любые твои слова.
Платье тебе соберет с болот,
Где камыш и трава.
На запад пойдем — того и гляди,
Ноги промочим — пусть.
Брошами липнет к твоей груди
Золотарника куст.

А на востоке, где буря, там —
Слышишь? — идет по следам
Древнее море к своим берегам
По ракушкам и черепкам.
Так наша любовь восстает из дней
Обид и разлада. Где
Гремит ураган, пройди — будь моей
Любовью в этом дожде.

**Переводы
Михаила СЕРЕБРИНСКОГО**

Михаил Серебринский — поэт, переводчик, родился в 2000 году в Санкт-Петербурге. Стихотворения и стихотворные переводы публиковались в сборниках и в литературных журналах «Литературные знакомства», «Перископ», «Веретено», «Окно», «Южный маяк», «Балтика». Лауреат первой степени всероссийской премии «Молодой Петербург» в номинации «Поэзия» за 2021 год. Студент филологического факультета ЛГУ имени А. С. Пушкина.